

ЗАГЛЯНУВШИЙ
ЗА ГОРИЗОНТ

КОНСТАНТИН СТОГНИЙ

УТЕРЯННОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

КНИГА 1

Константин Петрович Стогний

Утерянное Евангелие. Книга 1

Серия «Заглянувший за горизонт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38273986

Утерянное Евангелие / Константин Стогний; художник-ил. В. Барыба;

худож.-оформитель Д. О. Чмуж; Фолио; Харьков; 2018

ISBN 978-966-03-8227-5

Аннотация

Вниманию читателей предлагается первая книга трилогии «Утерянное Евангелие», в которой автор, известный журналист Константин Стогний, открылся с неожиданной стороны. До сих пор его знали как криминалиста, исследователя и путешественника. В новой трилогии собран уникальный исторический материал. Некоторые факты публикуются впервые. Все это подано в легкой приключенческой форме. Уже известный по предыдущим книгам, главный герой Виктор Лавров пытается решить не только проблемы, которые ставит перед ним жизнь, но и сложные философские и нравственные задачи. События разворачиваются в трех временных плоскостях: начало Новой эры, когда могло быть создано неизвестное до сих пор Евангелие; время беспощадной битвы викингов и становления государства Киевского; наши дни, когда уникальное Евангелие стало предметом торга между террористами и спецслужбами.

Книга, без всякого сомнения, заинтересует как историков, так и тех, кто только начинает постигать сложный и противоречивый современный мир.

Содержание

Голодные и злые	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Рав Шаул – гроза неверных	42
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Константин Стогний

Утерянное Евангелие

Серия «Заглянувший за горизонт» основана в 2016 году

Художник-иллюстратор

Виктор Барыба

Художник-оформитель

Д. О. Чмуж

ISBN 978-966-03-7883-4 (Заглянувший за горизонт).

ISBN 978-966-03-8223-7.

ISBN 978-966-03-8227-5 (Кн. 1).

© К. П. Стогний, 2018

© Д. О. Чмуж, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2016

Голодные и злые

Глава 1

Море не прощает ошибок

Сизая дымка заволокла горизонт, сливаясь воедино с поверхностью воды. Море плавно переходило в небо, или небо – в море...

...Пара странствующих альбатросов мерно парила в беспорядочных потоках восходящего воздуха. Гордые хозяева бескрайних небесных просторов, они почти никогда не бывают на суше. Их стихия – Мировой океан. Путь их лежал в родные места, где пернатые однолюбы, способные перемахнуть через Атлантику за пару недель, воспроизведут потомство. А пока внизу расстилалась водная пустыня Индийского океана и до заветной цели было далеко. Но это не беда. Устав, можно вздремнуть на волнах, спустившись вниз, а в случае голода зоркий глаз всегда углядит добычу с невероятной высоты.

Гигантская птица, сложив свои пестрые двухметровые крылья, стрелой ринулась в воду. Там, в глубине, тысячу пестрых спинок струился косяк жирной макрели – самой вкусной морской еды. Альбатрос почти без брызг нырнул в

воду, как хороший прыгун с вышки, и с легкостью пронзил глубину в пять метров, ухватив крепким, слегка загнутым хищным клювом крупную рыбину. Сейчас хозяин этих морей вынырнет с добычей на поверхность и обязательно поделится ею со своей возлюбленной...

...Но кто-то решил иначе. Ниоткуда и вдруг появилась громадная черная тень. Широкое чудовищное жерло хищника захватило альбатроса целиком. Десятиметровый самец касатки, торжествуя, вынырнул из воды и показал свое огромное белое брюхо. Из его пасти меж острых зубов торчали только две когтистые лапы и кончики таких роскошных еще несколько секунд назад пестрых крыльев странствующего пернатого рыцаря.

Пронзительный крик подруги альбатроса разорвал воздух. Несчастливая птица носилась вокруг места трагедии кругами еще несколько минут. Наконец, поняв, что потеряла любимого навсегда, она так же плавно, как и прежде, но уже одна исчезла в сизой дали...

– Море не прощает ошибок.

Крепкий чернобородый капитан, облокотившись на железный парапет, задумчиво выпустил дым через нос.

– Плохая примета, – отозвался старший помощник, понимая, что разговор с начальником предстоит серьезный.

Уже третью неделю сухогруз «Карина» выполнял свой очередной международный рейс, выйдя из порта «Ильичевск» еще четвертого сентября. Куда лежал их маршрут?

Об этом знали только капитан и старпом. Негласный закон коммерческого рейса – минимум информации. Моряки – народ неприхотливый: не говорят, значит, так нужно. Обычно информация о грузе на борту так или иначе просачивается и к концу командировки все уже знают, что и куда везут. Но это плавание было не таким, как всегда. С самого начала команда прибыла на уже груженное судно, а позднее выяснилось, что о содержании трюмов не знает даже старпом. Это было удивительно.

Со временем удивление переросло в тревогу, а тревога – в перешептывания между членами команды. Кто-то заметил, что капитан судна Владислав Колобов подолгу не выходит из своей каюты, практически не шутит, когда общается с коллективом. А техник, матрос Богомол, случайно проходивший мимо контейнеров и громадных ящиков, обтянутых брезентом, был готов поклясться, что знает этот запах. Запах «свежей» военной техники, залитой солидолом...

– Брешешь, Васька! – восклицал насмешливый старпом.

– Не брешу, Виталий Семеныч, я этот запах на всю жизнь запомнил. Я в танковых войсках служил, Т-72 с закрытыми глазами соберу и разберу, – доказывая свою правоту, начал хвастаться молодой матрос. – Я, как тот солдат в фильме: с танками разговаривать могу...

Но Виталий уже не слушал его. На его памяти приходилось возить всякое, но чтоб вот так... тяжелую военную технику... Это было слишком. Поэтому сегодня, выйдя поку-

ритель с капитаном один на один, он намеревался услышать от него вразумительный ответ на волновавший всех вопрос.

Пятидесятилетний старпом-одессит Виталий Сокольский, некогда жгучий брюнет, а ныне подпернутый сединой морской волк, будто сошел с картинки, на которой изображена старая просоленная рыбацкая шхуна, а он у штурвала подгоняет рыбаков, поспешно выбирающих прыгающую кефаль из трала: «А ну, живее, тюльки-сеledки! А ну, не рассуждать! Ша, рыба, почищу!!!»

– Влад, я ведь не пальцем деланный, – саркастически улыбаясь, заметил бывалый моряк.

– ...Да знаю я, – с досадой оборвал старого товарища Колотов.

Капитан действительно знал, что послужной список старпома куда больше, чем у него самого, просто что-то в жизни не сложилось. Виталий Сокольский ходил в заграничные плавания еще тогда, когда самым ценным качеством моряка была партийность, а основным заработком – привезенная из-за границы «контрабанда»: лишняя пара джинсов, модные грампластинки. А при неудачном стечении обстоятельств можно было схлопотать срок за женское белье и даже обыкновенную жвачку «Тутти-Фрутти». Обманывать старого товарища было бесполезно.

– Мне за этот груз голову снимут, если что...

– Если... что? – переспросил Сокольский, прищурившись.

– Если не довезем.

– А если довезем, значит, не снимут?

Колобов вдруг посмотрел своему старшему помощнику прямо в глаза. Во взгляде капитана были растерянность, боль, сожаление – дескать, связался на свою голову.

– Да ты расскажи, Владичек, – мягко, по-одесски «подкатил» к капитану Виталий. – Тебе ж легче станет.

Колобов молчал, не решаясь выложить Сокольскому всю правду. На его совсем еще не старом лице образовалась глубокая морщина между бровями.

Сокольский вынул из помятой пачки сигарету и, подкурив, глубоко затянулся.

– Танки везем?.. – спросил он спокойно после короткой паузы.

– ...И не только, – наконец выдохнул капитан, забивая свою трубку заново.

– А конвой, как я понимаю, не дали?.. – начал Виталий.

Капитан, выпустив плотное облако дыма, промолчал, из чего старпом понял: Колобов, как и весь экипаж судна, стали заложниками в чьей-то игре.

Ветер крепчал, а мужчины все курили и курили, какое-то время сохраняя молчание.

– ...Мне позвонили за сутки до рейса. Сказали, что груз секретный, – после долгой паузы начал свой рассказ Колобов. – ...А по документам идет как сопутствующие товары. Я сразу понял, что оруж...

Владислав сглотнул подкатывающий к горлу ком. Слово «оружие» ему так и не далось.

– Ну, в общем... Спрашиваю, а кто охранять будет? – продолжил капитан. – А мне в ответ: мол, охрана привлечет внимание, начнутся вопросы, а груз – секретный. Его нужно доставить без огласки.

– Не мог послать этого судовладельца подальше? – возмутился Сокольский. – Ты, в конце концов, лицо государственное и даже юридическое...

– ...«Государство» и позвонило, – перебил капитан.

Виталий застыл, приоткрыв рот. Он хорошо знал правовую базу капитана судна. За груз, сохранность корабля и экипажа отвечает капитан, и только капитан. Никто, даже судовладелец, не имеет права подвергать опасности моряков. Но в этот раз дело было не в судовладельце, а в тех, кто представляет государство...

– Ах ты ж... шмель мохнатый... – произнес Виталий, и его лицо приняло выражение обиженного ребенка. Так, наверное, обижаются сильные мужчины.

– А как же люди?

– Да когда у нас о людях думали, Виталь? – горько усмехнувшись, отозвался Колобов.

– Я еще помню те времена, когда думали... – задумчиво ответил Сокольский.

Старпом вдруг спохватился, будто от его активной деятельности что-то зависело.

– Ладно, капитан... Как считаешь, проскочим?

– Должны. До берега 260 миль. Пираты сюда не сунутся. Далеко... И до порта назначения сутки, не больше... Да и о грузе знаем только мы с тобой.

Надежды Владислава развеял голос первого помощника, раздавшийся из рации: «Справа по борту в сторону «Карины» движутся два плавсредства с вооруженными людьми». Капитан и старпом растерянно переглянулись и подняли бинокли. В десяти кабельтовых от «Карины» бороздили воды два бота средней величины и на мощных двигателях. В каждом из них сидели не менее десяти африканцев. Все они были вооружены автоматами и ручными пулеметами.

– Только мы с тобой знали, говоришь? – горько усмехнулся Сокольский.

...Уже через несколько секунд экипаж «Карины» носился по палубе, выполняя четкие команды капитана. Владислав Колобов пользовался непререкаемым авторитетом, как и следует настоящему лидеру. Крепкий, высокий, моложавый, внешне добирающий солидности благодаря своей черной бороде, в свои тридцать пять лет Колобов обладал крепким мужским характером и морское дело знал чуть хуже Нептуна – и то лишь потому, что много курил, как шутили матросы. С этим парнем, родом откуда-то из России, каждый из членов команды был готов в огонь и в воду. Оказавшись один на один со стихией, люди, как правило, забывают о национальностях и странах. Порой даже языковой барьер ни-

велируется перед лицом общих трудностей. А в случае «Карины», с ее украинским экипажем и российским капитаном, языковых барьеров не было вовсе.

Уже стоя на капитанском мостике, Колобов отдал приказ: «Самый полный вперед!»

Огнестрельного оружия членам экипажа гражданского судна не полагалось. Оставалось одно: побег. Сухогруз набрал полный ход, и Колобов, прекрасно знавший судовождение, стал за штурвал лично, не забывая при этом руководить экипажем. Как тут не вспомнить славных штурманов прошлого, умело управляющих парусами и уводивших свои шхуны от разбойных нападений пиратов иногда и против ветра... Но и на полном ходу, со скоростью в 17 узлов, «Карины» двигалась вдвое медленнее пиратских ботов, и два десятка бандитов неминуемо настигали украинских моряков.

– Рация! Не сказали радисту! – вдруг опомнился стоящий рядом с капитаном старпом.

– Нельзя-а-а, – простонал Колобов. – Никто не должен знать.

– Да ты что, Влад!.. – возмущению Сокольского не было предела.

Но Колобов не слышал его. Он раздавал указания то боцману, то первому и второму помощникам и техникам машинного отделения.

Сомалийские пираты, о которых моряки до этого слышали только из международных новостей, подошли на расстоя-

ние не больше пятидесяти метров. Послышались первые автоматные очереди, словно требующие от экипажа сухогруза остановиться.

– Стоп, машина! – скомандовал Колобов.

«Карина» постепенно замедлила ход и наконец прекратила движение. Самые ловкие из пиратов, закинув «кошки» на тринадцатиметровую высоту борта, принялись подниматься на палубу судна.

– Брандспойты, к бою! – скомандовал капитан, и неожиданно для непрошенных гостей матросы, стоящие на палубе, стали сбивать карабкающихся бандитов водой, словно жители осажденного средневекового города-крепости. Первая атака сомалийцев была сбита, и Колобов, вздохнув с облегчением, скомандовал:

– Полный!..

...Как вдруг получил удар прикладом в спину и упал грудью на панель приборов. Сзади него стоял невысокого роста негр с длинными «дредрами» и автоматом в широких и крепких руках.

– Приплыли... – на ломаном английском сказал он и криво усмехнулся.

Очевидно, часть пиратов вскарабкалась на судно с другого борта. Все случилось так быстро, что стоящий рядом старпом Сокольский даже не успел удивиться. Он только почувствовал, как под лопатку ему уперся ствол автомата.

– Гибель альбатроса – плохая примета, – в крайнем отча-

янии только и произнес он.

– Море не прощает ошибок... – соглашаясь с ним, сипло ответил лежащий на приборах капитан...

Глава 2

«И дым отечества...»

А воздух другой. А небо голубее... И земля зеленее...» Все, как в хорошем старом кино. Родина... В этом году украинский журналист Виктор Лавров решил провести отпуск, не выезжая за рубеж. Он был сыт по горло островами с аборигенами, жаркими и не очень странами со всей их экзотикой. Кроме того, зная все плюсы и минусы «солнечного рая», начиная с людей и заканчивая вредными насекомыми, свой долгожданный отпуск Лавров ни в одном из этих мест не проводил и никому бы не советовал.

А здесь, в глубине родной Украины, в Яблунивке... Здесь даже петухи кричат по-другому, по-свойски... А как запахнет подсохшей скошенной травой с лугов или паленым керосином из примуса, на котором крикливая соседка варит обед для поросят – вообще больше никуда не хочется. Вспоминаются старенькая бабушка с крынкой вечернего молока, ее хатка с аккуратной соломенной крышей и разноцветные половички по всему дому. Кружевные вышитые полотенца-рушники: «Ось моя робота. Вишивати колись була охота», – аккуратные уютные подушечки на старых панцирных кроватях, образа святого Серафима и Николая Чудотворца в углу...

...Уже старушки нет много лет, остались одни воспоми-

нения. Но детство, лучше которого ничего не было... «Эх, как хочется побыть ребенком... Лавров, возьми себя в руки! С тобой твои дочери!»

Виктор специально снял домик в селе, подальше от столицы, чтобы по-настоящему отдохнуть душой, широкой украинской душой с любовью к бескрайним степным просторам, густым лесам и бесконечным глубоким песням. Лавров лежал прямо на воде посередине небольшого пруда, берега которого поросли ивовым кустарником и густым камышом. Утренняя рыбалка удалась. В прибрежных зарослях на хрупком деревянном мостке лежала старая бамбуковая удочка, взятая напрокат у соседа, и улов. Полведра карасиков с детскую ладошку величиной станут вкуснящей сельской ухой на обед и не менее изумительным ужином, приготовленным на сковороде, в сметане. Этот пир вдали от цивилизации Виктор обещал своим Даше и Лизе.

«Задерживаются девчонки. Сколько же можно спать?! Уже, поди, и девять утра». Виктор неторопливо повернул голову в сторону маленького пляжа, если так можно было назвать небольшой бережок справа. На нем загорали несколько приезжих, чьи палатки стояли неподалеку. Дым от костра чуть поодаль будоражил воображение любителей шашлыков.

«Нет, не идут... Вот же чертовки маленькие», – продолжал ворчать про себя Виктор и тут же сыронизировал: «Подожди, подожди, Лавров. Это если они чертовки... то ты –

черт?.. Ну да. Черт. Но сейчас больше похож на тюленя...» Виктор упоенно прикрыл глаза, продолжая наслаждаться своим «парением» на воде. Как хорошо!.. Счастье, когда тебя никто не трогает...

...Внезапно чьи-то сильные руки ухватили Лаврова за щиколотки и дернули вниз под воду. Все произошло настолько быстро, что журналист даже не успел опомниться, как захлебнулся. Пузыри воздуха вырвались на поверхность, словно из подземного вулкана.

В один момент перед тонущим Виктором, как ускоренная кинолента, пронеслась вся его жизнь. Детство, родная Борщаговка, школа и хоккей у дома в насквозь промокших ботинках. Последний звонок с девочкой-первоклашкой на плече. Разведшкола и война в Афганистане, верхом на БМД, когда так хотелось просто жареной картошки с луком. Университет Тараса Шевченко и первая любовь – девушка из Непала с «миндальными» глазами Прия Кансакар. Следственные органы и морг на Оранжевой. Семья, дети, дом. Острова, людоеды, моджахеды, террористы... Но почему здесь, на родине, почти под домом?.. Беда... Беда...

На водной глади пруда осталась только шапка-котелок, которую Лавров носил для защиты от солнца. На илистое дно медленно спускались сорванные с лица солнцезащитные очки...

* * *

В середине двадцатого века читательский мир облетела

сенсация. Задержан женоубийца, дело которого долго не могли раскрыть. Мужчина-альфонс подыскивал себе богатых невест бальзаковского возраста и – как странно! – через некоторое время после заключения брака счастливая «молодая» жена умирала, утонув... в ванне. Понятное дело, согласно брачному контракту убитому горем супругу причиталась внушительная сумма от состояния безвременно почившей возлюбленной. И все бы ничего, но после третьей утопленницы делами «черного вдовца» заинтересовалась полиция. Эксперты-криминалисты брали воду на анализ, изучали ее температуру, а также влияние резкой перемены температуры воды на человеческий организм и материалы, из которых делают ванны... Тщетно. Все версии и гипотезы разбивались о камни реальности: ничто из вышеперечисленного не могло служить причиной смерти совершенно здоровой и пышущей жизнью купальщицы.

Но вот на одном из следственных экспериментов, куда были приглашены лучшие пловчихи, криминалист-сердцеед, поглаживая одну из девушек в наполненной ванне, заставил ее расслабиться, засмеяться и даже почувствовать к себе симпатию и вдруг, осененный идеей, неожиданно дернул ее за ноги. Опытная пловчиха тут же ушла под воду и захлебнулась. Врачи, ожидавшие неподалеку, насилу откачали бедную спортсменку. Далее в результате оперативных мероприятий следователи смогли поймать негодяя с поличным. Очередная богатая жена оказалась «подсадной уткой» и была го-

това «тонуть». Преступника наказали, а заодно был раскрыт очередной способ убийства богатых невест...

* * *

Чудовищно! Кому понадобилось топить в пруду во время отдыха отца двоих детей? Да к тому же крепкого стокилограммового мужчину. Все эти килограммы в воде становятся невесомыми, и убийца, видимо, знал это. Конечно, он бы не рискнул напасть на Лаврова на берегу, поэтому поступил хитрее, выверив каждый свой шаг. Он вошел в пруд, тихим брассом преодолел некоторое расстояние, затем остановился, нырнул и, проплыв глубоко под Виктором, развернулся и сделал свое дело.

Да, Лавров не был готов к тому, что его будут топить таким неожиданным способом. А если бы это случилось на глазах у дочек, которых он так ждал...

...Но недаром существуют центры по выживанию, готовящие из людей машину – неубиваемую, негорящую, непотопляемую. Эти навыки остаются с человеком на всю жизнь. Нахлебавшись воды и теряя силы, Виктор пошел ко дну, выпуская последний воздух, но опрометью обернулся, увидел мутные очертания чьей-то крепкой фигуры, обхватил ее ногами и что было сил начал давить пальцами на солнечное сплетение врага. Фигура дернулась раз, другой, но Лавров, обвив оппонента ногами, держал его крепко и не отпускал. Вскоре противник затих, и его руки безвольно поднялись кверху...

– Буа-а-а-а-а-р-р-р-р-р! – Виктор с диким ревом вылетел

из воды почти по пояс. Желание жить оказалось сильнее любых методов утопления невест. Вода лилась изо рта, из ноздрей. Уши пострадали тоже. Такое впечатление, что их кто-то забил ватой и там, за этой ватой, жует яблоки.

Кое-как отдышавшись, журналист оглянулся по сторонам. Своим звериным рыком он испугал какую-то пожилую пару, проплывавшую в двадцати метрах отсюда, и они – лысая макушка и шляпа, как у черепахи Тортиллы, – уже развернулись и поплыли к берегу. На берегу было несколько ничего не подозревающих отдыхающих, принимающих солнечные ванны. Убийца так и не всплыл, и Виктор, набрав полные легкие воздуха, нырнул...

...Выбираясь на берег, Лавров волок за собой человека без сознания, держа его пальцами за ноздри: короткая стрижка убийцы не позволяла взять его за волосы.

Уже вернувшиеся на берег пенсионеры успели оповестить всех отдыхающих о том, что там, на середине пруда, под водой происходит что-то страшное. Какой-то мужик ужасно гаркает и борется с каким-то чудовищем. Это вызвало легкий переполох, и любопытные зеваки столпились неподалеку от того места, где «какой-то мужик» Лавров выволок человека на берег и положил на ковер из обильно растущего лугового мятлика. Виктор еще до конца не пришел в себя и сел рядом со своим «убийцей», тяжело дыша. Перед глазами плыли красные круги, а в висках бешено стучал пульс. Ми-

нугу спугстя журнaлист устaвился нa лежaщего. Кто он? Откуда взялся? И самое глaвное: почему он хотел убить Виктора? А может быть, он был не один?

Лавров посмотрел вокруг. Так и есть. Из-за камышей к нему бежали двое крепких мужчин, которые ничем не отличались от других отдыхающих. Все правильно, убийцам не нужно выделяться из толпы. Где вы видели киллера, который разгуливает по пляжу в «балаклаве» и черной спецовке «милитари»? Виктор вскочил и максимально, насколько ему позволяло его нынешнее состояние, сконцентрировался. Он не стал принимать боевую стойку, зная, что лучшее оружие – это неожиданность. Тем более, когда оппонентов двое. Два коротких удара кулаком в подбородок одному и другому, под удивленное ойканье зрителей, и двое врагов оказались в нокауте.

Журналист обернулся в сторону отдыхающих. Тут уже собралось достаточное количество зрителей. «Фигасе пресс-конференция...», – мимолетом подумал он.

– Граждане! Прошу всех быть свидетелями! – голос Виктора дрожал от возбуждения. – Только что на меня было совершено покушение. Причем дважды...

В толпе слышались слабые голоса перешептывания: «Лавров? Лавров... Виктор Лавров. Журналист с “телика”». – «Да не-е-е, не Лавров. Что ему тут делать?» – «Да я тебе говорю, Лавров!...»

– Да, я Виктор Лавров, официально заявляю... – начал

журналист, едва сдерживая эмоции.

– ...Паша?! – вдруг послышалось за спиной.

В чехарде эмоций Виктор не заметил, как все из-за тех же камышей выбежала невысокая женщина с большими серыми глазами и в купальнике. Она увидела лежащих на траве «бандитов» и замерла на месте. Затем медленно, крадучись, пошла к тому, который недавно тонул. На ее бледном от шока лице был вопрос: «Что? Что? Что?»

– Паша?! – вскрикнула женщина, подойдя вплотную к лежащему у ног Виктора человеку. Громадного Лаврова она просто не замечала. Упав на колени, она с ревом кинулась на грудь погибшему.

– А-а-а-а-а-а...

В ту же минуту из-за камышей выскочило еще трое мужчин и две женщины, крича наперебой.

– Паша! Павло! Паша! Павлик!

– Маринка, что случилось?

За этой компанией бежала девочка лет десяти. Один из мужчин обернулся к ней:

– Светка! Я кому сказал остаться у мангала?! Бегом отсюда.

Виктор смотрел на все это «представление» в растерянности.

– Твою мать... – только и вымолвил он.

– О-о-о-о-о-о-о! – неслось над прудом. – Господи-и-и-и-и!

Маленькая женщина Марина билась в истерике над

«убийцей» Лаврова... Рядом испуганно топтались те, кто выбежал из-за камышей. Толпа наблюдателей с пляжа потянулась сюда же.

– Спокойно! – выкрикнул Виктор все еще на эмоциях. – Всем отступить на два шага!

Он опустился на одно колено и принялся осматривать того, кого две минуты назад вытянул из воды за ноздри. Мужчины из компании Марины тем временем возились у двоих получивших нокаут, которые уже пришли в себя и сидели на траве, ничего не понимая.

– Пульс есть... – резюмировал Виктор. – Галдеж прекратить! – скомандовал он толпе и принялся делать искусственное дыхание человеку, который несколько минут назад чуть не утопил его...

Вскоре парень стал подавать признаки жизни. Несколько рвотных позывов – и вода стала выплескиваться из рта мощным фонтаном. Друзья оживились, одобрительно восклицая и поддерживая того, кто делал пловцу искусственное дыхание. Наконец «утопленник» Паша открыл глаза и хорошо прокашлялся. Обведя радостных друзей взглядом, он увидел Лаврова, стоящего прямо над ним. На грудь Павлу, рыдая, упала его Маринка...

– Ты кто? – грозно спросил Лавров «киллера» спустя десять минут после его спасения.

– Я – Паша...

– Я вижу, что не Котигорошко! – злился Виктор. – Ты понимаешь, что мог меня утопить?!

Паша, как и два его нокаутированных друга, все еще сидел на траве, растерянно хлопая глазами.

– Про... простите мен... ня. Я пошуткувати хотів, – на суржике пролепетал пловец.

Это был молодой мужчина лет тридцати пяти. Крепкий сельский парень, по-видимому, недавно переехавший в город и решивший отдохнуть с друзьями на природе у себя на малой родине. Лицо его не выражало признаков усиленного умственного труда. Светлые, почти бесцветные глаза виновато смотрели на «большого дядю» Лаврова, и лицо скривилось то ли в гримасе глуповатой улыбки, то ли в сожалении.

– Дернуть человека за ноги в воде, чтобы пошутить? – переспросил Виктор.

– Я думал, шо вы – Васыль, а вы не Васыль...

– Сейчас бы в морг уже вашего Васыля отправляли, дурила! А может, и тебя вместе с ним, – буркнул Лавров.

– Ой, господи, – сероглазая Марина, испугавшись в очередной раз, обняла мужа за плечи. – Пашенька...

Журналист уже давно понял, что Паша никакой не наемный убийца, а просто пьяный «шашлычник», который решил подшутить над товарищем, но «ошибся ногами». В толпе зрителей появился и тот самый Васыль – местный тракторист, здоровенный увалень ростом под 190 см, действительно чем-то похожий на Лаврова. А двое парней, которых

Виктор принял за сообщников киллера и нокаутировал, оказались просто Пашиными друзьями, прибежавшими на помощь.

– По-хорошему я должен был отвести тебя в милицию и подать заявление. Ты это понимаешь? – продолжил отчитывать Павла Лавров.

– А по-плохому? – глупо спросил кто-то из толпы зевак.

– А по-плохому – спас дурня, – ответил Виктор и этим еще больше разрядил обстановку и тут же добавил: – Рэмбо, твою дивизию. Ладно... Чаю ему налейте. Только не водки! А чаю!

Зеваки с пляжа уже стали расходиться, эмоционально обсуждая увиденное. Виктор повернулся и двинулся в сторону своего тайника с ведром карасей. «Чуть не утопил, Павлик, твою душу...», – думал он, добавляя непечатное ругательство.

– Спасибо вам! – официально обратился к Лаврову какой-то парень, заставив его остановиться и обернуться.

Перед ним стоял простой селянин лет тридцати, рыжий, с носом-картошкой и веснушками, как у подростка. Он еще раз повторил:

– Спасибо вам! – и ни к селу ни к городу добавил: – Мы очень любим ваши программы!

– Так за что спасибо-то? – удивился Виктор. – За программы или за этого?..

Виктор кивнул на Пашу, который уже пытался встать на

ноги.

– А автограф можно? – послышался голос одного из оставшихся зрителей с пляжа.

– А куда я тебе его поставлю на пляже? – рассерженно спросил Виктор.

Смеялись даже те, кто недавно получили по физиономии.

– Хорошо отдохнули, ничего не скажешь, – сказал один из друзей Паши, недовольно потирая зашибленный подбородок.

– ...Зато буду говорить, что получил по морде от самого Лаврова, – добродушно усмехнувшись, ответил его товарищ, глядя вслед уходящему журналисту.

Глава 3

Голодные и злые

– Витя! Привет! Есть срочная поездка! В Австралию!

– Хм... А почему не на альфу Кассиопеи?

Так начинался разговор двух старинных товарищей: журналиста Виктора Лаврова и его начальника, генерального продюсера телеканала Максима Радущкого.

Макс неожиданно позвонил рано утром, когда Виктор собирался на рыбалку, проверяя заранее заготовленную наживку – красных навозных червей, которых накопал вчера у соседки во дворе. И тут вдруг звонок...

– Ты же сам говорил, что никогда не был в Австралии! – кричал в трубку Максим. – А тут заказчик нарисовался. Оплачивает экспедицию да еще и за цикл передач об австралийских аборигенах заплатит.

– А что за срочность в четыре утра?

Трубка ответила молчанием. Макс, видимо, так увлекся «вербовкой» Виктора, что такого вопроса не ожидал.

– Ну-у-у-у... Ты же все равно не спишь?

– Не сплю! – начал сердиться Виктор. – Но это не значит, что нужно звонить среди ночи!

– ...А когда тебя еще поймаешь, как не рано утром? – парировал Макс. – К тому же я уже и билеты тебе забронировал... на завтра... на обед...

– Макс! Да ты охренел! – едва сдерживая нервный смех, выдал Виктор. – Может, ты мне еще и съемочную группу нашел?

– Нашел! – радостно ответил продюсер. – Ребята готовы с тобой хоть на край света!

Виктор, спрятавшись за сараем, чтоб не разбудить дочек в доме, задорно подфутболил ногой лежащий рядом кусок старой коры. По правде говоря, он уже был здесь пятый день и его тянуло в дорогу.

– А как же мой отпуск, Макс? – спросил журналист для порядка.

– Витя, Григорий Сковорода впервые отдохнул по-настоящему только тогда, когда стал памятником, – хохотнув, ответил Радуцкий.

Лавров, едва сдерживая смех, схватился за ребра. После недавнего приключения с «убийцей» на пруду у него все еще болели легкие.

– Ладно, Макс. Но помни! Ты мне уже должен, как земля колхозу!

Конечно, Виктор жалел о том, что не догуляет свой отпуск. И с дочками он почти не бывает, и вообще...

«...Какая замечательная сиеста на родине! Здесь и степь, и лес, и пруд, черт бы его побрал... Но разве дело в этом? Эти милые сердцу запахи и звуки, памятные с детства! Чистейшее, лучшее небо в мире. Моя Вселенная... как слова песни «Чому я не сокіл? Чому не літаю?..» Почему?..

Виктор застыл в немом вопросе, открыв сарай, приспособленный под гараж. На него смотрел его «гелик» без двух передних колес и зеркал заднего вида.

– Охренеть. Вот тебе и друзья-земляки...

Пока Виктор наслаждался отдыхом, прививая своим дочкам любовь к родине, кто-то умудрился пробраться в сарай-гараж и свинтить колеса и зеркала с его «мерседеса»...

Дело принимало серьезный оборот. Взвесив все «за» и «против», Лавров прикинул, что такси, как и эвакуатор, быстро сюда не приедет. Самым разумным решением было уезжать своим ходом. Заплатив хозяину домика и отдав распоряжения насчет эвакуатора, он, к большому удивлению Лизы и Даши, быстро стал собираться домой.

– Что, уже домой? – возмущенно произнесла старшенькая Лиза.

– Уже-уже, – почти оправдываясь, торопливо пробормотал Виктор и тут же нашелся: – И так уже начало учебного года пропустила...

Хотя, конечно, Лавров чувствовал себя виноватым перед дочками. Праздник общения с отцом – такой, увы, нечастый – заканчивался.

Выезжали второпях – на первом и последнем в этот день автобусе из села в районный центр. Порадовало то, что, кроме водителя, в стареньком «ПАЗике» советских времен больше никого не было.

– Доедет? – шутливо спросил Виктор водителя на разбитой сельской остановке.

– Залізно! – ответил искренний водитель. – Цей автобус ще нас з тобою переживе...

– Пусть переживет, только не во время этой поездки. Хорошо? – весело договорился с водителем Виктор.

Автобус чихнул, пыхнул и начал свой путь. Но закончил его на середине пути.

– Засада якась... – почесал в затылке почти не удивившийся шофер и, взяв из-под сиденья гаечный ключ, полез куда-то в двигатель, давая понять: дальше сами.

Вокруг жизнерадостно пели степные птички и стрекотали кузнечики. До железнодорожной станции было около восьми километров. Для Лаврова это было не расстояние, но с пятилетней Дашей и пятнадцатилетней Лизой да еще и с кучей сумок в руках о коротком марш-броске можно было забыть.

«Черт возьми. Это ж надо! И, как назло, никакого транспорта. Хех, где же ты, моя госпожа удача?»

И тут призывы Лаврова были услышаны: из-за тополиной посадки с громким скрипом выехала телега, запряженная клячей, которая еле-еле волокла тощие ножки с непомерно большими копытами.

– Смотри, папа, живая лошадка! – обрадовалась младшенькая Даша.

– Только и дела, что живая, – грустно усмехнувшись, ответил Лавров.

Конечно, младшей дочке не нужно было спешить на любимый телеканал по требованию-просьбе генерального продюсера. А езда в кузове телеги, будто приехавшей из музея старины – с продольными и поперечными брусьями, с оглоблями, колпаками и чекáми деревянных колес – вот это доселе невиданно и интересно! Девочка даже забыла про планшет со «старкрафтами» и «нидфоспидами», зато узнала, что такое «тиліпаться» по бездорожью и что такое «бісова дитина» и «припини, падлюко!» когда лошадь не слушается.

Не верьте, что автомобиль – это средство передвижения. Автомобиль – это роскошь, когда едешь на телеге. Особенно по проселочной дороге и без малейшей надежды встретить попутку. Все было как будто против того, чтобы Лавров успел на самолет.

Только к вечеру того же дня Виктор с изрядно уставшими Лизой и Дашей умудрились сесть в последний вагон пассажирского поезда, который кланялся каждому столбу, пропуская вперед литерные составы, и по счастливой случайности замер у платформы, где за два часа не остановилось ни одной электрички. Быстро договорившись с немолодыми проводницами, которые тут же узнали известного журналиста и покраснели от счастья, Виктор с семьей «поселился» в самом последнем купе вагона – единственном месте в поезде, где было три свободных места.

Уставшие девчонки, отказавшись от ужина, тут же повалялись спать, а Виктор молча уставился на темнеющие по-

садки кленов вдоль убегающего назад железнодорожного полотна. Неторопливый пассажирский поезд должен был преодолеть расстояние в 250 километров только к утру...

– Познакомимся? – послышалось с места напротив.

Немолодой, изрядно побитый жизнью мужчина, седой и с большими залысинами, в первый раз за вечер нарушил молчание и выставил на стол бутылку самогона. Виктор долго гипнотизировал сосуд, втянув голову в плечи. Он не любил таких спонтанных застолий, тем более в поезде, да еще и с неизвестным спиртным и совсем неизвестным хозяином этого спиртного. Но сегодня, глянув в серые и какие-то пустые глаза соседа, вдруг кивнул головой.

– А, давай!..

Глоток «колдовства» из чайного стакана и пару кусочков полтавского сала, смоленого солонкой... Даже без хлеба, да со свежим грунтовым помидорчиком, порезанным на дольки... Да будь ты хоть академик! Если ни разу не пробовал, то какой ты украинец? Видимо, новый знакомый Лаврова, Павел, знал толк в настоящем самогоне.

Эх, красота! Виктор почувствовал, как тепло от шестидесятиградусного напитка медленно растекалось по всему организму. Давно он не пивал такого забористого бальзама. Арманьяк, бомбейский джин, ямайский ром, итальянскую граппу и многое-многое другое пробовал журналист в своих поездках. Но никакой абсент, никакие кукурузные американские ухищрения даже близко не напоминают простой

украинский самогон из глубинки. И напиток ядреный, и разговор...

– Вот ты по заграницам ездешь? – «грузил» Виктора слегка захмелевший мужик. – За бабочками бегаешь... Негритянскими... А я вот никому не известный сельский мужик и не выделяюсь...

– Удивительное дело, – играя недоумение, поднял брови журналист. – Как только человек чего-то добился в жизни, сразу те, кто знал его раньше, а чаще те, кто даже не знал, начинают шушукаться: «Да он зазнался! Да он скурвился!» Причем абсолютно безосновательно. Просто потому, что отделился от прежнего своего круга общения. Просто потому, что работает на телевидении...

– ...Вот видишь, ты на телевидении. А я где? Простой безработный.

Журналист уже не в первый раз сталкивался с такой позицией. Однажды, лет десять назад, случайно встретившись с одноклассниками, уже достаточно взрослыми людьми, он услышал от худого и давно выпивающего безработного Юры: «Конечно, вы там на «телике» работаете, ни хрена не делаете, а получаете миллионы...» Виктор, который всегда славился выдержкой и спокойствием, усмехнулся и достал из портфеля две видеокассеты с рабочим материалом по одной из своих поездок.

– Хорошо, Юрик. Давай так. Я тебе даю черновой материал – 180 минут видео. Твоя задача – к завтрашнему дню

подготовить монтажный лист для режиссера, чтобы тот смог смонтировать программу и она вышла в эфир. Сделаешь – и я плачу тебе из своего кармана двести долларов.

Двести долларов по тем временам в Украине – деньги немалые, и Лавров знал, что говорит. На эти деньги семья из трех человек могла прожить, не голодая, два месяца. На предложение Виктора одноклассник Юра глупо ухмыльнулся и посмотрел вокруг, в поисках поддержки у друзей, которые с интересом следили за развитием беседы.

– Ну... я не знаю. А как это?.. А я не умею.

– А чего же ты говоришь, что мы ни хрена не делаем? – засмеялся Лавров.

– Да я так, ляпнул... Не подумал... – под общий хохот признался Юрий.

Вот и весь разговор.

Поэтому здесь, в поезде, Виктор был готов к любым сюрпризам, и к таким голословным заявлениям, как и к повышенному вниманию к своей персоне, у него давно был иммунитет.

– Хе, простой безработный... – Журналист саркастически кашлянул, продолжая разговор. – А ты просто поработать не пробовал? Ты думаешь, я сразу пришел, сел в телевизор и начал вещать?..

– ...Ой, ой, ой, – перебил собеседник. – Все это мы уже слышали. Вы все и на войне были, и грудь под пули подстав-

ляли, и... ля-ля, фа-фа. А только байки все это. Сладкая кашка для простых обывателей. А вся правда в том, что кто удачно попал – тот и живет. Особенно те, кого власть кормит.

Виктор понимал, что ждать тактичности от этого простого сельского мужика, да к тому же озлобленного, не стоит. Но и сам он, слегка «подогретый» самогонкой, не собирался «отсиживаться».

– Почему-то все патологические неудачники во всем винят власть, – вздохнув, сказал он.

– Да, Лавров! Но если неудачников становится слишком много, уж не власть ли виновата в этом?..

Виктор не нашелся, что ответить. Слишком неожиданным был поворот в разговоре с этим парнем.

– Я бы этих сволочей по стенке размазал! – крикнул мужик и ударил кулаком по столу так, что пустые стаканы тревожно застучали в металлических подстаканниках.

– Ш-ш-ш-ш, – успокоил собеседника Лавров, глядя на спящих дочек.

– Я дико извиняюсь... – спохватился Павел и в искреннем сожалении положил ладонь на грудь. – Пойдем, подышим?

Виктор, хоть и не курил, но кивнул головой, и мужчины вышли из купе, плотно прикрыв за собой дверь.

...В прокуренном тамбуре последнего вагона было, как на доске для виндсерфинга – чуть зазевался и упал. Да еще и как на дискотеке, когда танцующие еле-еле слышат друг друга.

– ... Уймись, старичок. Все люди братья, – примирительно и как можно миролюбивее произнес Виктор, продолжая разговор, начатый еще в купе. – А к тому же у всех папы и мамы...

– Папы-мамы, говоришь? – желваки мужика надулись.

Лаврову совершенно не хотелось разводить агрессивную полемику с человеком, которого он видит первый и последний раз в жизни. Все будет, как в плохом кино. Сейчас этот «работяга» поведает ему о своей тяжелой судьбе человека, абсолютно не желающего трудиться, они обнимутся, спросят друг у друга «Ты меня уважаешь?» а завтра будут прятать глаза, пытаясь вспомнить: «Что, интересно, я ему вчера наплел?»

Но в этот раз Виктор ошибся. Его собеседник, которого, по удивительному совпадению нескольких последних дней, тоже звали Павлом, будто и не думал сильно пьянеть, а уж тем более обниматься. Закурив свою «Приму» без фильтра, он просто поведал историю из жизни...

– Два брата ехали по своим делам на машине. Трезвые ли, пьяные? Сейчас это уже не важно, – начал свой рассказ Павел, смачно затягиваясь «термоядерной» «Примой». – Попали в аварию... Один погиб. Второй, который был за рулем, – ни царапины... Брат... Родной брат... Не интересно?

Мужчина обратил внимание, что Виктор смотрит в окно. – Нет-нет. Все нормально. Продолжай дальше...

Лавров слышал десятки таких историй, и ему действи-

тельно было не интересно. Но раз уж ввязался в разговор, нужно было уважать собеседника, и Виктор взял себя в руки и перевел взгляд на своего попутчика.

– ...Дальше? Родители решили наказать преступника и подали иск...

«Родители? Иск? – пробил журналиста. – Да нет же. Бред, какой-то бред...» Но Виктор не ослышался.

– Да, родители обвинили старшего сына в гибели младшего, – кивнул собеседник, как бы поддакивая самому себе.

– ...Но подожди! – путаясь в услышанном, переспросил Виктор. – Насколько мне известно, в случае гибели кого-то в ДТП в полиции в любом случае обязаны возбудить уголовное дело!

– Знаю только одно, – отмахнулся от Лаврова собеседник. – Парень мог и не сесть, а сел на шесть лет за убийство по неосторожности... Еще мать бегала и орала на все село: «Я его посажу! Я его накажу!...»

– Как?! – Виктор отказывался верить своим ушам.

– Вот так, Витя, вот так, – грустно резюмировал Павел. – Но дальше – больше. Через полгода родителям сообщили, что их сын, которого они так сурово наказали, был убит в тюрьме во время криминальной разборки.

– Ё!.. – воскликнул потрясенный журналист.

– Вот и я говорю, ё... За год потеряли все, что у них было – двух сыновей... А потом?.. А потом сами ушли, один за другим... Тоже за год.

– А-а-а... – Виктор с явным недоверием хотел задать еще какой-то вопрос, но вдруг уперся в жесткий взгляд Павла.

– ...Не веришь? А я верю. Потому что знаю... Я племянник тети Зои и двоюродный брат этих парней. Еду вот оформлять наследство после смерти дяди Пети. Потому что другой родни у них не было... Вот тебе и братья. Вот тебе и папы, и мамы...

Павел вынул из-за пазухи недопитую бутылку самогона, сделал два глубоких глотка и нервно затянулся сигаретой.

– Откуда столько злости у людей? – после долгой паузы задумчиво произнес Виктор.

– А от голода... – вдруг прямо заявил Павел. – Тебе знакомо это чувство? Или забыл?..

Виктор осекся. Он вдруг понял, что все эти годы, путешествуя, он познавал мир африканцев, папуасов, эскимосов, кого угодно. А вот то, что в душе у собственного народа, – он упустил... Его узкопрофильный взгляд – взгляд маленького, но функционера, погрязшего в буднях телевизионного конвейера. Это взгляд владельца футбольной команды, не знающего, что такое по-настоящему получить по ногам в штрафной площади. Это – взгляд толстосума-олигарха в третьем поколении, который никогда не знал, что такое полкилограмма картошки и пакет кефира в холодильнике, а до полочки еще неделя. Одной фразой собеседник обрубил всю его спесь. Но, как и следует представителю «четвертой власти», Виктор не подал виду, что это его зацепило.

– Ты слушай меня, журналист. Я тебя уважаю! Никто другой тебе правды не скажет! Будут лебезить, восхищаться, просить автограф...

Виктор действительно задумался. Давно у него не было такой беседы.

– Кстати! – вдруг поменял тон Павел. – Ты мне должен... автограф!

Мужик засмеялся. Ничто человеческое не было ему чуждо, и иронии ему было не занимать.

– Для тебя? Сколько угодно! – абсолютно искренне ответил Виктор.

– Держи краба! – протянул руку журналисту еще недавно злившийся собеседник и расплылся в широкой честной улыбке.

...До самого утра Виктор не мог уснуть. Рядом, на нижней полке тихо посапывала младшенькая Даша, на верхней обустроилась Лиза и видела, должно быть, десятый сон. Уснул и его собеседник Паша, отвернувшись к стенке. Серость зарождающегося нового дня уже пробивалась сквозь окно. Серость... в душе серость, от услышанного, от увиденного и прочувствованного за последние дни. Она выплыла, как осеннее облако среди ясного погожего дня. Лавров уже почти не думал о злой шутке недотепы Паши на сельском пруду, хотя раненые легкие еще побаливали. «Смотри-ка. И тот Паша, и этот – тоже Паша. Имя редкое, а люди частые...»

Журналист думал обо всем понемногу. О людях – голод-

ных, поэтому злых. Злых до глупости, до жестокости, до самоуничтожения... Как эти родители, что потеряли одного сына и отправили в тюрьму другого...

«...Отличный сюжет. Можно будет сделать неплохой эксклюзив... Опять ты думаешь обо всем потребительски, Лавров!» – укорял себя Виктор. Но, с другой стороны, что он мог сделать? Каждый занимается своим делом, и Лавров просто не мог оставаться в стороне. Вот он приедет из Австралии и обязательно...

«Об этом, действительно нужно будет снять программу. И, может быть, не одну...»

Рав Шаул – гроза неверных

Глава 4

Раввин без страха и упрека

Женщина средних лет сидела на тяжелом табурете у ниши. На ее еще совсем не старом лице, в уголках губ образовались глубокие складки, что говорило о недавней потере родного человека.

Яркие солнечные лучи пробивались сквозь фигурно зарешеченные оконца, слепили зайчиками и заставляли непривольно улыбаться. Человек – дитя природы и, неся бремя жизни под солнцем Иудеи, не может не улыбаться ему.

Не было слез. Были покой и смирение. Здесь, у высокого кованого жертвенника в просторной зале молитвенного дома, думалось о вечном, и все земное казалось пустым и напрасным.

Ветхий, но чистый балахон женщины относил ее к небогатому, но благородному сословию ремесленников, не боящемуся летнего зноя и живущему на трудовые доходы.

Сидевший за столом молодой мужчина в римской белой тунике и бордовом плаще внимательно рассматривал ее. Минуту назад он дал знак легионерам, приведшим ее, удалить-

ся.

– Почему ты дрожишь? – спросил мужчина по-арамейски.

– Я не дрожу, но если тебе так угодно... – тихо ответила собеседница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.